

Книга первая

От Одоakra до Карла Великого

Портрет Карла Великого работы Альбрехта Дюрера, 1519 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

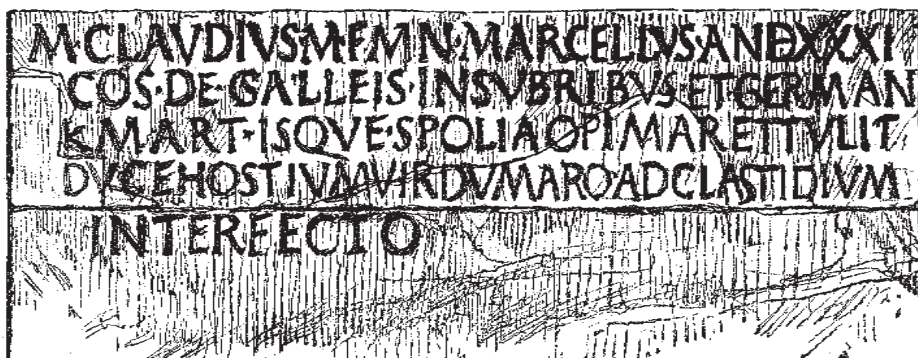
Одоакр в Италии. — Взгляд на былое германских народов. — Германцы и христианство

Мы довели первоначальный период истории человечества, известный под общим названием «древней истории», до 476 г. христианской эры и закончили так потому, что именно в этот год произошло событие, послужившее указанием на важную перемену в общем ходе исторической жизни. В этот год Одоакр, удовлетворив притязания своих соратников, раздал им участки земли в Италии, — в сущности, повторяя то, что уже происходило со времен Мария и Суллы. Назвавшись королем германских народов в Италии и получив от императора Зенона титул патриция с правом управления Италией как «провинцией», он восстановил единство Восточной и Западной Римской империи, тем более, что совершенно не заботился о присвоении себе каких бы то ни было внешних признаков власти. Тем не менее с этого события, которое, вероятно, в глазах римского населения Италии того времени не имело особенного значения, начинается обычно один из трех больших разделов, на которые подразделяют всеобщую историю: раздел *истории средних веков*. Пределом эпохи является результат начавшегося еще со времен Ариовиста или даже с вторжения кимвров и тевтонов исторического течения событий — господство воинственного *германского* племени, давно захватившего все окраины Римского государства, установилось теперь и в его центре, в древнейшем средоточии могущества и силы римского народа. И действительно: в Африке уже с 429 г. господствовали *вандалы*; в Испании и Галлии до самой Луары еще с 419 г. — *вестготы*, оставившие во власти свевов лишь узенькую полосу Пиренейского полуострова на побережье Атлантического океана; в долине Роны и до Боденского озера — *бургунды*. Северной Галлией, медленно продвигаясь вперед, завладели *франки*, и только ограниченное пространство от Луары до Соммы оставалось, от всей прежней Галлии, римской провинцией, но и оно было окружено государствами германцев — вестготов, бургундов, аламаннов и франков. Британия, давно предоставленная судьбе, с 449 г. была во власти призванных сюда в качестве вспомогательного или наемного войска *англосаксов*, которые потом осели здесь и завладели страной. Отныне этим германским племенам принадлежало право вершить историю в завоеванных и заселенных ими странах. Теперь, человечеству суждено было развиваться дальше в зависимости от того, как диким варварам-германцам удалось бы принять, видоизменить или даже развить унаследованные от Рима приобретения древней античной культуры. Вот почему необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на их историю до этого времени.

Германские владения на римской территории.

Древнейшая история германцев.

Под общим названием *германцев* римляне подразумевали все народы, жившие на восток от Рейна, между Альпами и Северным морем. Это название, видимо, было дано галлами их зарейнским врагам по тому крику, с которым германцы устремлялись в битву, и обозначало на их языке «кричащие» или даже «ревушие»¹. Но у германских народов долгое время не было одного общего наименования. Страна, в данное время называемая Германией,

Мраморная триумфальная доска. Конец VI в. до н. э. Рим. Капитолийский музей.

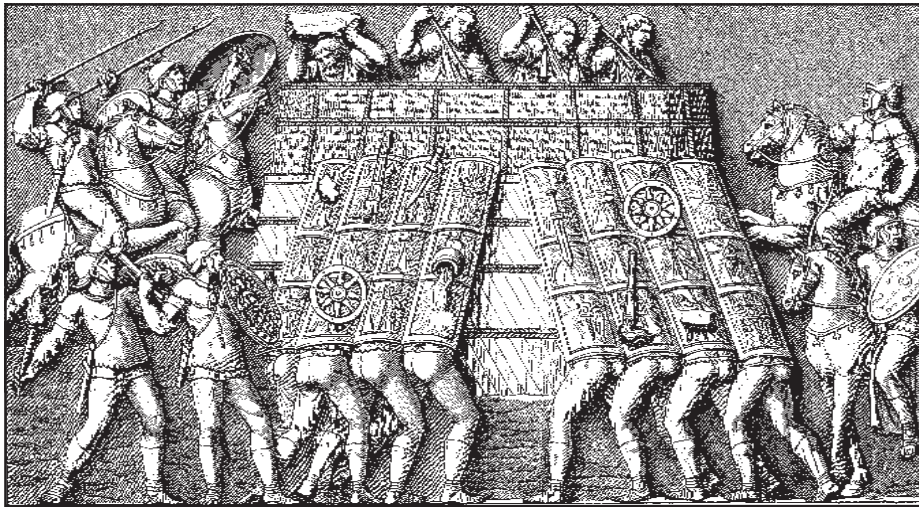
Первое упоминание германцев в исторических памятниках. Латинский текст гласит:
 «Марк Клавдий, сын Марка, внук Марка, Марцелл в 531 г., будучи консулом, 1 марта победил инсубрийских галлов и германцев. При этом захватил большую добычу, ибо убил при Кластидиуме предводителя врагов Вирдумара».

была, как можно судить по сравнительному изучению германских наречий, заселена постоянно переселявшимися из Азии племенами, которые едва ли шли сплоченными толпами и не представляли собой вполне сложившихся племен. Эти переселенцы принадлежали к тому народу, к которому принадлежали и предки греков и италийцев, т. е. к *арийцам*, и по данным, извлекаемым из древнегреческого, древнеиталийского, древнеперсидского и древнеиндийского языков, можно приблизительно представить запас культуры, принесенный переселенцами с их азиатской прародины, — их домашних животных и домашнюю утварь, умение считать и мыслить, религиозные воззрения. При этом не следует забывать, что при подобных переселениях народов первыми в путь пускаются не высокоразвитые и богатые, а преимущественно бедняки, и что суровая борьба с пустыней² служила скорее огрубению их нравов, нежели смягчению. И действительно, если верить тому, что римские источники сообщают о кимврах и тевтонах, например, о той ярости, с которой они все разрушали, можно прийти к заключению, что первые переселенцы опустились значительно ниже того уровня, которым они, судя по данным

¹ Этот неистовый крик испугал и римлян при их первом столкновении с германцами.

² Им приходилось селиться на пустых местах, т. к. лучшие места суровой и неблагоприятной по климату Средней Европы того времени были уже заселены кельтами.

сравнительного языкознания, должны были обладать во времена своего пребывания в местах первоначальных поселений. Страшный натиск этих племен, закончившийся тяжкими поражениями при *Аквах Секстиевых* (102 г. до н. э.) и *Верцеллах* (101 г. до н. э.), был первым столкновением германских племен с римлянами, которым после этих поражений достались многочисленные толпы рабов германского происхождения. Полвека спустя вели-

Римляне штурмуют германское укрепление. Рим. Колонна Марка Аврелия. Легионеры, построенные «черепахой», идут на штурм. Сверху германцы забрасывают атакующих каменными глыбами и дротиками. Отряд спешенных римских кавалеристов пробует поджечь укрепление, земляной вал которого усилен бревнами, а брествер сплетен из ивовых прутьев.

чайший из римских государственных людей, *Гай Юлий Цезарь*, был озабочен тем, как оградить от массовых вторжений германских народов страны, лежащие к западу от Рейна. Отчет, оставленный им о переговорах с вождем германцев *Ариовистом*, состоявшим на службе у секванов, доказывает, что Цезарю приходилось иметь дело с народом, непохожим на полудиких кимвров и тевтонов. В речи Ариовиста чувствуется сознание собственного достоинства, видны определенные стремления, разумное отношение к средствам борьбы и даже знакомство с общим политическим положением. При Везонтии хорошо устроенное германское войско понесло поражение от Цезаря и было отброшено за Рейн. После этого об Ариовисте уже ничего не слышно. Однако вскоре становится известно о новой попытке вторжения германских народов (узипетов и тенктеров) в низовья Рейна, которую римскому проконсулу также удалось отбить, отчасти при помощи коварства, отчасти при помощи кровавой борьбы, и удержать Рейн — границу между римским и германским миром.

Римское влияние. Цезарь. Страшными ударами разразилась римская мощь над варварами, осевшими в обширной стране на восток от Рейна. Впечатление этой мощи, а также полного покорения Галлии, происшедшего у них на глазах, было сильно и укоренилось прочно. Влияние римлян на германцев было двойным. С одной стороны — мирное, незаметное, с другой — сильное в частной жизни. Цезарь принял на службу германский конный отряд, оказавший ему при Алезии и Фарсале важные услуги; Август и Тиберий доверяли охрану своей особы телохранителям из германцев. Таким образом, на службе в римских вспомогательных войсках немалое число германцев научилось языку римлян, познакомилось с римской жизнью, с ее потребностями и даже до известной степени с умением эти потребности удовлетворять. Когда подобное сближение произошло в более или менее обширных размерах, то на границах, а потом и значительно далее, развились торговые отношения, преисполненные для римлян опасностями, однако чрезвычайно выгодные. Опорными пунктами этих мирных отношений стали города, которые в период, последовавший за смертью Цезаря, были выстроены на берегах Дуная и Рейна: *Виндобона, Августа Раурика, Могонтиак, Бона, Колония Агриппина* (Вена, Базель, Майнц, Бонн, Кёльн). Эти города в свою очередь способствовали быстрой романизации областей, лежавших на юг от Дуная и на запад от Рейна. Это были прекрасные стратегические пункты, служившие перевалочными базами возникающей торговли. Теснее всего слияние германского и римского элемента произошло в *Колонии* (Кёльне) на месте бывшего здесь древнего города убитых (первых действительно умиротворившихся германцев), подобного другим германским поселениям, какие видны в верховьях Рейна еще в доцезаревское время. Впрочем, германцы с правого берега допускались в Колонию, лежавшую на левом берегу, безоружными и во время своего пребывания в городе подвергались тщательному надзору. Такого рода отношения, завязавшиеся между римским и германским миром, хотя и прерывались иногда насилием и войнами, по существу не могли быть окончательно прерваны, их последствия день ото дня проявлялись все яснее и яснее. «Мы уже научили их принимать от нас деньги», — веско замечал Корнелий Тацит, историк, полтора года спустя после Цезаря с глубоким интересом изучавший «свободную Германию». Он мог бы сказать, что германцы научились от римлян не только обращению с деньгами, — они научились пить вино, которое еще во времена Цезаря нельзя было ввозить под угрозой строгого взыскания.

Германский народ. Отношения с римлянами пробуждали у германских племен воинственные наклонности. Прежде всего, сравнивая свой быт с бытом римского народа, германцы научились сознательно относиться к своим национальным особенностям. Во времена Цезаря отдельные племена вели независимую жизнь. Среди этих племен или объединений племен, например, среди свевов, в мирное время не было никакой высшей объединяющей власти, общины были вполне самостоятельны. Между тем, они уже близки к тому, чтобы осесть на одном месте. В некоторых местах от общинного владения землей племена начали переходить к распределению земли во владение частных лиц в форме частной собственности. Но главными занятиями

ми этих племен все еще были скотоводство и охота, а не земледелие, способное создать истинную собственность. Плодовых деревьев в стране, заселенной германцами, не было, она состояла почти исключительно из лесов и пастбищ, местами пересекаемых болотами и пустошами — надежными границами, отделявшими одно племя от другого. Несмотря на это, войны и

*Римские легионеры уводят в плен германских женщин.
Рим. Колонна Марка Аврелия.*

усобицы между племенами почти не прекращались; нравы их были воинственны и кровожадны, хотя одеждой им служили шкуры зверей, а оружие было самым первобытным. Вооруженными германцы являлись и на совещания, и на пиршества. Война и охота были главными занятиями мужчин, а вся тяжесть домашних и полевых работ лежала на женщинах и рабах. Самым торжественным днем в жизни юноши был тот, когда ему перед лицом всей общины вручалось оружие, и он становился в ряды воинов. С воинственным характером древнегерманской жизни было связано и довольно определенное демократическое направление политической жизни

при умеренном влиянии жрецов, не составлявшим, подобно галльским друидам, замкнутого сословия. Поселки были разбросаны, каждый сам выбирал место около своего поля, источника или в небольшом лесочке. Были уже деревни, обнесенные оградой, но не было поселений в виде городов. Вообще, во времена Цезаря у германцев не существовало общего государственного строя. Дружинный быт, который многие стараются приукрасить,

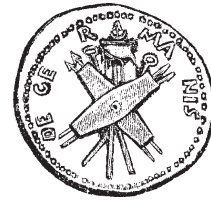
Совет у германцев. Рим. Колонна Антонина.

долгое время препятствовал образованию настоящих государств. Отдельные удалцы или вожди, подобные Ариовисту, прославленные своими подвигами, на свой страх и риск предпринимали военные походы, собирая вольницу из своего племени — и племя не могло этому препятствовать. Эта вольница следовала за своим вождем, его честь становилась ее честью, и наоборот. Наградой им служила общая добыча или же, как в стране секванов, территория, которую наемной дружине удавалось отнять у тех, к кому она нанималась на службу. Постепенно из этого дружинного быта возник аристократический элемент, окрепший в постоянной борьбе подрастающих поколений.

Возобновление войн. Именно теперь, когда германские племена узнали могущественное единое Римское государство, положение, в котором некогда застал их Цезарь, стало быстро меняться: проснулось честолюбие частных вождей, у народов появилась потребность выйти из разъединения. Насилия, совершенные над римскими купцами, послужили поводом к началу войны, которой Август хотел избежать, но все же начал в 27 г. до н. э. Приемный сын императора *Клавдий Нерон Друз*, в 13 г. до н. э. принявший начальство над войсками, стояв-

шими в верхне- и нижнерейнских провинциях (в «обеих Германиях»), повел эту войну по древнеримскому обычаю, нанося германцам удар за ударом, и в 9 г. до н. э. дошел до берегов Эльбы. Он умер во время этого похода. Его брат и преемник *Тиберий*, впоследствии император, был противником всяких завоеваний на правом берегу Рейна и тонко и остроумно посоветовал предоставить германские народы их собственным раздорам, которые римская политика должна была только поддерживать. Однако это возобновление войны римлянами оказало важное влияние на независимые германские племена: среди них появились первые попытки образовать более прочный государственный строй. К этому времени относится деятельность вождя племени маркоманнов *Маробода*, который вместе со своей дружиной нанес мощный удар кельтскому племени бойев и, создав большое и сильное войско, широко раздвинул пределы своих владений. С римлянами он умел ладить, а когда они задумали различными происками ограничить его возрастающее могущество, он поднял против них такое восстание в Паннонии и Далмации, что Тиберий рад был заключить мир с вождем маркоманнов как с равным. И в Северной Германии необходимость обороны привела тамошние племена к попытке установить более тесный, более сплоченный внутренний строй. Могущественнейшим из этих племен были *херуски*, жившие в постоянных раздорах и усобицах. Была у них и римская партия, во главе которой стоял один из местных вождей *Сегест*; главой противоположной, национальной партии был *Сегимер*, пожелавший, чтобы его сыновья *Арминий* и *Флавий* поступили в римскую службу. Арминий вскоре вернулся на родину и стал во главе партии, решившей отстоять независимость германской земли от римского преобладания. С тонким коварством варвара, которому приходится вступать в борьбу против превосходящих сил культуры, Арминий сумел обмануть римского наместника *Квинтилия Вара*, присланного в Германию в 7 г. н. э. и ревностно принявшего за романизацию страны. Германские князьки польстили римлянину мнимым усердием и готовностью подчиниться его политике. Недаром один из римских историков заметил, что «никто себе и представить не может, как коварен этот германский народ при всей своей дикости». Таким образом, Арминию удалось окончательно отвести глаза римскому наместнику и побудить его к опасному походу внутрь страны, во время которого и обнаружился заговор.

При изложении римской истории рассказывалось, как погибли римские легионы в *Тевтобургском лесу*, окруженные врагами и коварными союзниками, обратившимися во врагов; упоминалось, что из трех легионов, т. е. почти из 27 тысяч человек, успела спастись только часть конницы и горсть людей, пробившихся сквозь густые толпы нападающих врагов. Остальная масса воинов полегла в неравном бою, и только небольшая часть сдавшихся в плен подверглась всем ужасам дикой мести германцев, опьяненных трех-

Серебряная монета
Клавдия Нерона
Друза
(Старшего).

В поле изображен
трофей, составленный
из германского ору-
жия: вексиллума, щитов,
копий и труб.

**Битва
Квинти-
лия Вара
с герман-
цами.**

дневным боем и одержанной победой. Они приносили несчастных пленников в жертву своим богам среди прогалин ближнего леса, пригвождали отрубленные головы убитых к стволам деревьев и всячески мучили тех, кого пощадила смерть... А о том, чтобы воспользоваться плодами своей победы или освободить страну из-под власти римлян, они и не мечтали.

*Бой германцев с лучниками из римских вспомогательных войск.
Рим. Колонна Марка Аврелия.*

Изображения сражающихся германцев с обнаженным торсом неоднократно встречаются в римской скульптуре, например, на колонне Траяна.

**Арминий
и Маробод.**

Только Арминий, главный виновник гибели легионов Квинтилия Вара, преследовал, видимо, ясно сознаваемую цель. Он отправил голову несчастного легата к Марободу, чтобы побудить его участвовать в борьбе против римлян. Но оказалось, что вождь южных германцев не сочувствовал такой политике. Он выдал римлянам страшный дар Арминия, и тому пришлось одному выносить на своих плечах войну, ставшую непримиримой. Римляне сохранили свои позиции, опирающиеся на искусно расположенную систему укреплений на Рейне, и когда в 14 г. принял бразды правления Тиберий, сын Друза *Германик* продолжил войну против германцев. Кое-какие романтические моменты дают возможность заглянуть и в область духовной жизни страны, освобожденной победой Арминия от власти римлян. Дочь Сегеста *Туснельда* была похищена Арминием и стала его супругой. Из-за этого поднялась усобица в стране херусков между Сегестом и Арминием и их дружинами, и во время этой усобицы Туснельда попала в плен к римлянам. Тацит изображает Арминия героем, называя его несомненным освободителем Германии, и представляет, как он, поспешая от племени к племени, побуждает своих соплеменников либо высказаться в пользу свободы, либо преклониться перед римским игом... И он остался, отчасти из патриотизма, отчасти по личному расположению, вождем союза северо-западных племен,

сплотившихся около этого вождя, зная ему цену. Много раз дело доходило до ожесточенных битв. Римляне под предводительством Германика отомстили за поражение Вара большой победой, одержанной над германцами при *Идиэавизо* (или *Идиставизо*), и в 17 г. Германик был удостоен триумфа, при котором Туснельда и рожденный ею в плену сын Тумелик шествовали перед колесницей победителя. Однако наступательная война, в соответствии с принципом Тиберия, принятым в отношении к германской политике, не продолжалась. В том же году Арминий во главе северных племен пошел войной против Маробода с целью подчинить своей власти все германские племена. Маробод был разбит, спасся бегством на римскую границу и много лет спустя умер в Равенне. Арминий, видимо, хотел упрочить свое положение, стремясь к королевской власти, но возбудил этим зависть среди своих приближенных и был убит в самом расцвете сил, на 37-м году жизни (21 г. н. э.). Таким образом, попытка прочного соединения воинственных германских племен в государство не удалась ни на севере, ни на юге.

Этот выдающийся личными достоинствами князь херусков, даже в скудных сообщениях современников представляющийся человеком замечательным, добился одного: Римское государство окончательно приняло политику Тиберия, отказалось от широких планов наступательной

Статуя германки. Считается, что она изображает Туснельду.

**Восстание
Цивилиса.**

войны и оградило свою границу колоссальной системой укреплений (*limes*), начатых при Августе, законченных при Адриане, затем дополняемых и совершенствуемых и охвативших наконец пространство около 500 верст, между Дунаем и Рейном. В германцах же проявилась склонность к наступательной политике: это выразилось при восстании *Цивилиса* в столь знаменательный и гибельный для Рима 69 г. н. э. Это восстание, начавшееся среди племени *батовов* в северо-западной части Нидерландов, показывает влияние, оказанное на племена правого берега Рейна борьбой с римлянами. В

Медная монета в честь победы Германика над херусками, хаттами и ангеривариями в 17 г. н. э.

АВЕРС. Германик на триумфальной колеснице — квадриге.
РЕВЕРС. Германик, обращающийся с речью к войску.

В левой руке он держит легионного орла. Надпись SIGNIS RECEPTIS относится к орлам, взятым германцами у римлян при поражении Квинтилия Вара и возвращенным Германиком.

данное время уже не было недостатка в честолюбивых вождях, в самом Риме научившихся римскому военному искусству и усвоивших более широкие взгляды на политику: среди масс появились отдельные сильные личности. Лукавый батав вступил в отношения с несколькими честолюбцами из галльских вельмож для осуществления обширного плана и смог при этом показать себя достаточно самостоятельным по отношению к их мечтам о каком-то «государстве галльских земель» и к предска-

ниям друидов о том, что «власть над миром должна теперь перейти к заальпийским народам». Даже в общем способе ведения войны уже заметен правильно выработанный план; в этой войне Цивилис пользовался прорицательницей из страны бруктеров как орудием своей политики, и посольство тенктеров (в то время, когда германцы и галлы на время завладели Колонией) поздравило жителей Колонии с присоединением их «к народу и к имени германскому». Восстание, однако, ни к чему не привело: оно закончилось миром на снисходительных условиях. В последовавший за этим 25-летний период появилось в свет небольшое сочинение *Тацита* о Германии. Никогда еще не бывало до этого времени ни у греков, ни у римлян, чтобы известный писатель со столь глубоким интересом отнесся к изучению быта варварского народа; но этого мало — Тацит во многих отношениях идеализировал быт германского народа. Так, например, он объяснял отсутствие у них кумиров их высоким представлением о божествах, которых будто бы невозможно заключить в тесные стены храма или облечь в человеческий образ. Кроме того, о пороках и недостатках германцев он говорил вскользь и снисходительно отзывался об их страсти к войнам, о склонности к ссорам за пирами, о пристрастии к игре и т. п., а их добродетелям отдавал полнейшую справедливость, восхваляя их священное уважение к домашнему крову,

ненарушимое целомудрие, уважение к женщинам, которым германцы приписывали некоторое священное значение и дар к прорицаниям, гостеприимство и страшную суровость, с которой они наказывали за противоестественные пороки, трусость и предательство. Тацит преднамеренно противопоставляет здоровое состояние этого народного быта той испорченности, которая процветала в Риме: ни денег, ни завещаний, ни безнравственных зрелищ; и дружба, и вражда одинаково передавались из рода в род, хотя последняя не бывала непримиримой... И он проникнут сознанием того, как опасны должны быть в качестве врагов эти люди, «которые строением своего тела и всей внешностью своей нас изумляют», и несколько раз возвращается к этой мысли.

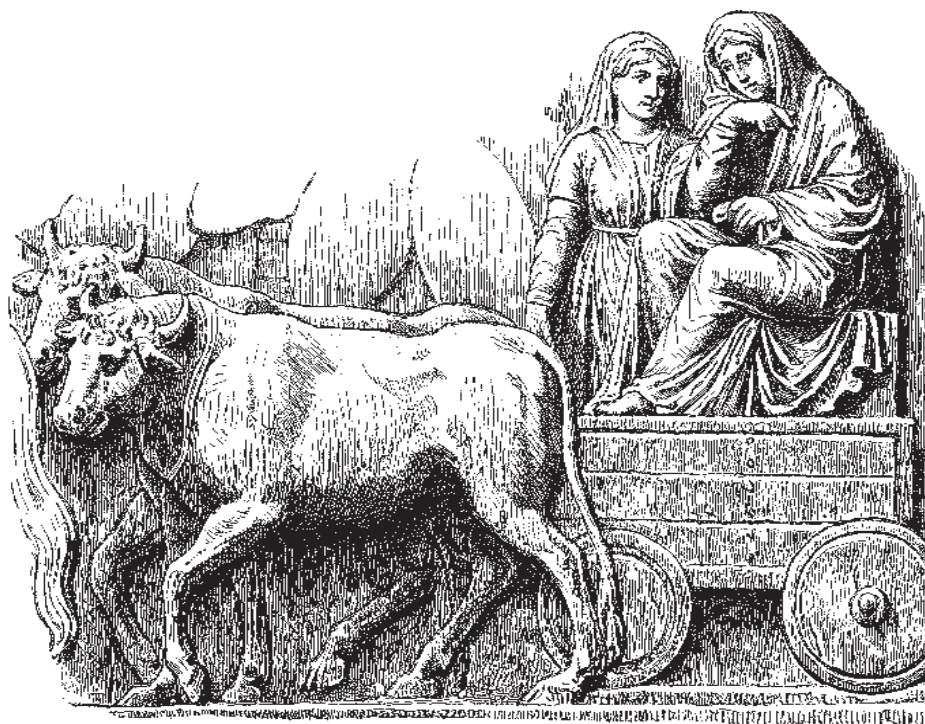
Особенно грозными германцы были для римлян не своим исполинским ростом, не возрастающим умением в военном ремесле, а поразительным плодородием

Союзы
народов.
Их раз-
витие
до IV в.

*Пленный германец. Римский триумфальный барельеф.
Рим. Ватиканский музей.*

браков, и поэтому быстрым возрастанием народонаселения. Несомненно, густота народонаселения со времен Цезаря сильно возросла, и это должно было привести к выработке государственных форм и порядков, к известному распределению и организации народа, однако проследить это движение подробно не представляется возможным. Большую перемену можно заметить только во время войны императора *Марка Аврелия* с маркоманнами в последней четверти II в., когда римлянам приходилось бороться не против от-

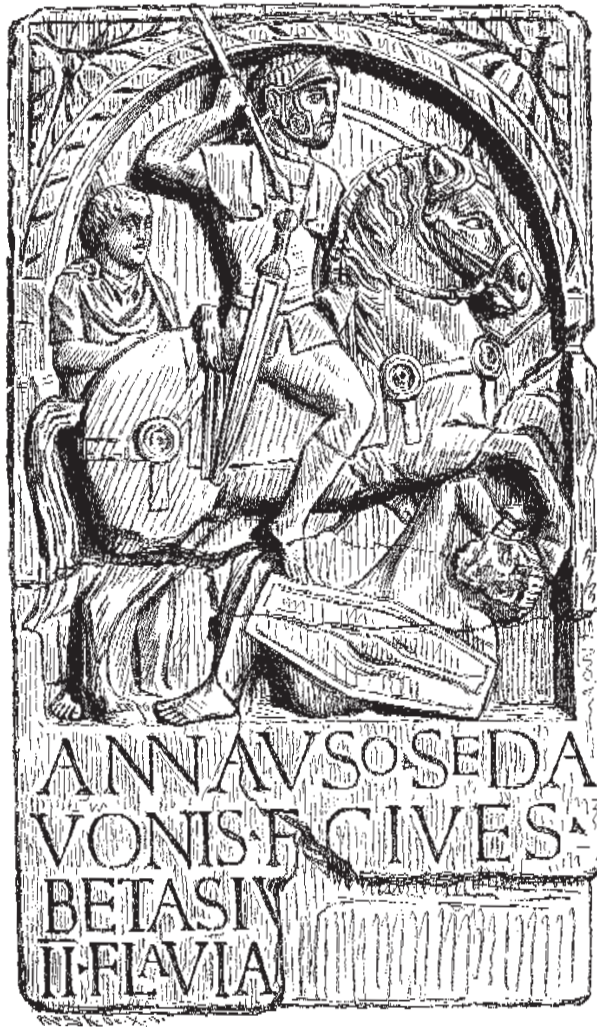

*Германские женщины (вероятно, жрицы). Рим. Колонна Антонина.
Замыкающая группа колонны маркоманнских пленников, следующих за триумфальной колесницей Марка Аврелия.*

дельных племен или случайного соединения нескольких племен с воинской целью, а против настоящих федераций или племенных союзов. Начиная с этой *Маркоманнской войны* (162 г. н. э.) германцы переходят к наступлению. Те же племенные союзы выступали в римской истории под многими новыми именами — *аламаннов, франков, готов, саксов*: возобновленная борьба с Римом привела к усилению связи народов, уже подчинившихся более или менее твердой королевской власти. По сохранившимся известиям почти невозможно подробнее проследить дальнейшее развитие германского наро-

да в течение ближайших столетий. Видны только непрерывно и однообразно повторяющиеся набеги с одной стороны и их отражение — с другой, но везде — только воинственные дружины, нет ни земледельческой жизни, ни постоянной культурной работы. Решающим событием был массовый переход готов на территорию Римского государства, который произошел в 375 г.; затем уже это так называемое «переселение народов» закончилось ровно 100 лет спустя событием 476 г., которым обычно заканчивается изложение древней истории.

Но в течение 500-летия, прошедшего со времен Цезаря, мир успел преобразиться: христианство окончательно утвердилось в пределах римского мира и несомненно господствовало уже в течение полувека. Постепенно оно проникло к германцам, сначала заносимое случайными миссионерами из рабов и купцов, а с 347 г. — при посредстве молодого священника *Ульфилы*, который до самой своей смерти в 388 г. с неутомимым рвением распространял евангельское учение среди готов. До нашего вре-

Христианство.

*Надгробный камень кавалериста из римских войск.
Найден в Майнце.*

Бородатый всадник занес копьё над лежащим на земле германцем. На правом боку у кавалериста длинный меч, в левой руке ромбовидный щит. Защитное вооружение всадника характерно для III в. н. э. — на голове кавалерийский шлем, с верхом, стилизованным под причёску, и большими нащечниками; тело защищено кольчужой. В глубине виден раб-оруженосец, сопровождающий всадника. Надпись по-латыни гласит: «Аннаузо, сын Седавона, гражданин Бетаза, (всадник) II Флавиева легиона».

мени сохранились драгоценные отрывки его перевода евангельских чтений и других частей Нового завета, его почтенным именем открывается история развития германской духовной жизни. От готов христианство перешло к другим германским народам, и 100 лет спустя после смерти Ульфилы христианство было уже господствующей религией, по крайней мере, среди германцев, поселившихся в Римской империи.

Религия германцев.

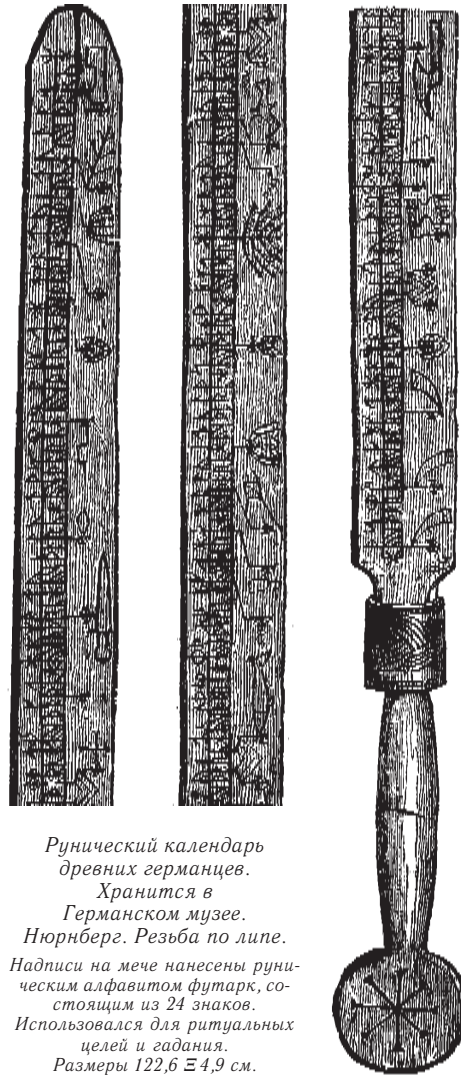
Были попытки доказать, будто многое в религии древних германцев по некоторому внутреннему средству воззрений облегчило внесение христианского учения: несомненно однако, что германское язычество оказало христианству гораздо менее упорное сопротивление, что оно было осилено им легче и быстрее, чем греко-римское язычество. Среди германцев существовало верование в бессмертие души, и, вероятно, в связи с этим Тацит замечал, что они придают погребальным обрядам меньше значения, нежели римляне или греки. Кроме того, в их верованиях существовало странное и внушительное представление об окончательной гибели богов, о разрушении всего существующего мира, который должен поглотиться громадным пожаром и вновь возродиться в измененном и уже неразрушимом виде. На некоторую близость их религиозности с христианской Тацит намекает в своем указании: «Именами богов они называют то таинственное, что представляется только очам их благочестия». Реальнее это можно выразить следующим образом: их религиозные представления, насколько они известны, были лишены той устойчивости и твердости, которые придавала греко-римскому миру богов мифология, украшенная фантастическими и поэтическими вымыслами, а также искусство своими чудными образами, а в позднейшее время и философия со своей символикой, не говоря уже о влиятельном жреческом сословии. Верование в бога небес *Тиу* принесли в Европу со своей прародины первые германские переселенцы; не особенно обширный круг божеств возник впоследствии на основе этого главного верования и существовал наряду с ним. Так, например, таким же, как *Тиу*, божеством, но под другим наименованием и при несколько ином воззрении, был *Водан*, бог облачного неба и солнца, которое не слишком часто проглядывало из-за облаков в пасмурной стране германцев. У воинственного народа понятие о подобном божестве легко связывалось с различ-

Каменная статуэтка германского жреца.

ными представлениями военного быта, точно так же, как атрибуты воинственности были приписаны и многим другим божествам. Этому богу войны были посвящены *волк*, *ворон* и *коршун*, как животные, питающиеся на поле битв; оружием ему служил меткий, разящий издали дротик; за ним толпой несутся души павших героев, и зычные клики этого Воданова войска слышатся ночью в завываниях вихря. Военнопленные приносятся в жертву в честь Водана. Другим видным божеством был *Донар*, бог грозы: молния, сверкающая в небе — его молот, который он мечет в своих врагов. Вероятно, о нем упоминает Цезарь, повествуя о каком-то боге Вулкане, которому будто бы поклоняются германцы. Но не все боги представлялись германцам в таких ужасающих и страшных образах. Были у них и женские, благодатные божества, являвшиеся под именами *Фригги* и *Нертус*. Наряду с богами довольно значительную роль в народном мифе играли созданные фантазией народа богоподобные существа в виде *великанов* и *карликов*. Лесную глушь, ущелья гор и их голые вершины, по представлению народа, населяли чудовищные великаны; а в недрах земли и в расщелинах скал жили карлики, в бесчисленном множестве распространявшиеся по земле, всюду внося свою таинственную силу, по их желанию то зловредную, то благодетельную, и проникавшие

даже в жилища людей, вступая в близкие отношения с ними и с домашними животными. Богослужение было чрезвычайно просто и не составляло тайны, доступной только жрецам. Его обрядная сторона более всего служила тому, чтобы узнать волю богов: прислушивались к ржанию коней, к крику птиц, присматривались к их полету; также гадали по жребиям: от дерева с плодами отрезали ветку, нарезали ее на кусочки, на которых нацарапывали особые

Рунический календарь древних германцев.

Хранится в

Германском музее.

Нюрнберг. Резьба по липе.

Надписи на мече нанесены руническим алфавитом футарк, состоящим из 24 знаков.

Использовался для ритуальных целей и гадания.

Размеры 122,6 × 4,9 см.

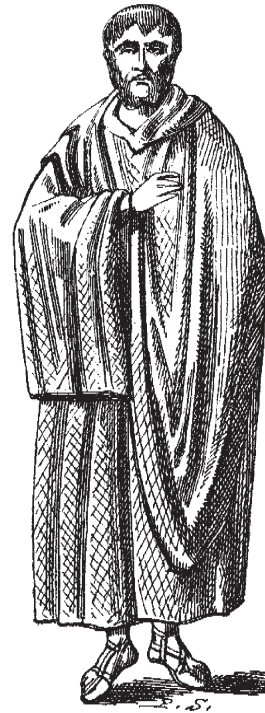
знаки, затем разбрасывали их по чистому холсту; собирали их, сопоставляя для гадания, либо жрец, либо ведунья, либо глава семье. Подобные способы предсказания будущего достаточно широко распространены во многих культурах Европы и Азии. Что такое слабое в своих основах, колеблющееся, никаким мощным жреческим сословием не поддерживаемое религиозное верование могло быть в сравнительно короткое время побеждено христианством, — более чем понятно. И побеждено оно было именно потому, что в христианстве все было определено, ясно, осязательно — это была вера тех, кого невольно приходилось признать более знающими. Даже то обстоятельство, что эта вера изложена в виде писаной книги, должно было придать ей в глазах этих бесхитростных людей авторитетность, внушающую им доверие. Некоторые исследователи не без основания утверждали, что принятие христианства германцами до известной степени было облегчено тем, что оно появилось у них в форме арианства, да и вообще германские народы стояли в стороне от тех нескончаемых богословских споров, которые повсеместно начались вслед за *вторым Константинопольским собором* (381 г.).

Догматические споры.

Положения, утвержденные на этом соборе, привели к ряду религиозных прений и препирательств, преимущественно вокруг личности Христа и вопроса о соотношении в нем божественного и человеческого начал. Затем затеялся спор между *Несторием*, патриархом Константинопольским, который отказывался признавать Божию Матерь Богородицей, и *Кириллом Александрийским*, который это наименование отстаивал. Не меньше споров вызвал и вопрос о том, следует ли признавать одно или два естества во Христе? Вопрос этот, между прочим, вызвал страшное ожесточение и борьбу партий на соборе 449 г. в Эфесе. Наконец на *Халкидонском соборе 451 г.* была найдена надлежащая формула для решения этого вопроса и *монофизитство* (т. е. учение о том, что во Христе можно признавать только одно естество) осуждено как ересь. Одновременно с этим шли споры о грехе и Божием милосердии, о свободной воле человека и соотношении ее с Божиим милосердием; споры эти тесно связаны с именами *Пелагия* и *Августина*. Первый был британским монахом, в 411 г. пришедшим в Африку. Он с настойчивостью утверждал, что свобода воли есть высшее и неотъемлемое благо человеческой природы: и добро, и зло — не что иное, как свободные деяния человека, и только возможность делать добро и зло (без которой немислимо и долженствование) исходит от Бога, причем его милосердие не создает добро, а только способствует его совершению. *Августин*, противник Пелагия, был уроженцем города Тагасты (в Нумидии); в 383 г. он был учителем красноречия в Риме, а затем в Милане, где, по его собственному признанию, предавался чувственным наслаждениям с великой необузданностью, а затем перешел в христианство после долгой и тяжелой внутренней борьбы и был крещен в 387 г. в Милане епископом *Амвросием*. Сам он полагал, что своим обращением обязан молитвам своей матери Моника. Чрезвычайно резко он противопоставил греховное состояние души действию Божия милосердия, в своей собственной жизни испытал и то, и другое. По его мнению, уже при совершении первого прегреше-

ния человек утрачивает свободу воли и подпадает под рабство греха; из этого греховного человечества Божие милосердие дает возможность некоторому числу людей достигнуть блаженства и в этих избранниках действует не зависящим от их воли образом. С 395 г. Августин был епископом в Африке, он умер во время нашествия вандалов. Среди всех этих препирательств и споров христианские воззрения постепенно развились в стройную систему *догматов*, утвержденных *вселенскими соборами*. Одновременно с этими догматами развилось учение о *католической церкви* как носительнице безусловного авторитета в делах веры, во всем том, что необходимо человеку для достижения блаженства. Представителями авторитета церкви стали *епископы*. Они одни имели право голоса на соборах, на решении которых основывалась законодательная власть церкви; они стояли во главе клира в *диоцезах* и назначали клириков на различные должности. Во главе епископов каждой провинции стоял *митрополит* в качестве епископа местного главного города, он же созывал духовенство на соборы; выше митрополитов стояли *патриархи* — епископы, правившие церковью в главнейших центрах государства: Риме, Александрии и Антиохии, к которым причтен был на соборе 381 г. и Константинополь, «Новый Рим», занявший почетное место тотчас вслед за Римом; пятым патриархом был признан епископ Иерусалимский, не пользовавшийся, впрочем, особым влиянием. Среди всех этих патриархов *римские епископы*, называя себя преемниками апостола Петра, уже начали присваивать себе первенство и заявлять о своих притязаниях на общий надзор над всей христианской церковью. С полной ясностью эту идею выражал уже *Лев I Великий* (440–461), говоривший, что он стоит во главе церкви во имя апостола Петра и решает по внушению Божию и апостольскому. Постепенно развиваясь из первоначальной, чисто демократической основы, церковь дошла в своем устройстве до сложной иерархии, в лице римского епископа начиная стремиться к подчинению этой структуры монархическому единовластию высшего главы церкви.

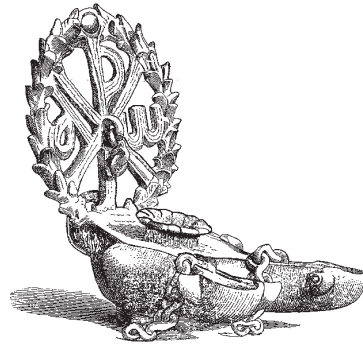
Церковная иерархия заботилась о том, чтобы богослужение всюду совершалось правильно, чтобы вся жизнь человека проходила на основании заповедей Божиих и заветов церкви. Всякие языческие символы, изображения и празднества исчезли с лица земли. Празднества в честь Юпитера и Вакха были заменены поминаниями *мучеников* и *великих подвижников*, и такое направление благочестия оказало благотворное влияние на жизнь и быт на-

Святой Амвросий
Медиоланский.
С мозаики V в. н. э.
Одет в тунику и плащ,
напоминающий плащи
философов.

**Иерархия.
Монашество.**

рода. Назиданию толпы служили и подвижники, которые на глазах у всех поднимали на свои плечи тяжелый крест самоотречения и духовных подвигов. Необходимым и вполне естественным дополнением прочих форм и средств католической церкви стало *монашество*. Оно проявилось сначала в Египте: ревнители веры, уходя от соблазнов мира, уходили в ближайшую пустыню и жили там отшельниками, подобно Антонию или Павлу Фивейскому, изнуряя свою плоть и борясь с наветами и кознями злого духа. Но этих *отшельников* (эремитов, или анахоретов) вскоре оказалось так много, что они стали объединяться, подчиняясь общим правилам. Древнейшее подобное объединение было основано в 340 г. на одном из островов Нила *Пахомием*. Первые монахи, появившиеся в Европе, составляли свиту Афанасия Александрийского, изгнанного из Александрии во время великого раздора, внесенного в церковь арианством. Но уже во времена смерти Атилы (454 г.) в Норике поселился выходец с Востока, подобный монахам служитель Божий *Северин*, которого все стали почитать как непреложного советника и прорицателя. В этом замкнутом круге и жили побежденные варварами романские народы, и этот последовательно созданный круг идей должен был поразить их германских победителей. Сам Одоакр на пути в Италию счел долгом посетить укромную келью св. Северина и должен был склонить свою гордую голову при входе в ее низенькую дверь. Говорят, будто святой предсказал ему великую будущность, а впоследствии, когда он уже был королем, возвестил ему близкий конец его господства.

*Лампа первых веков христианства.
Из собрания Ватикана.*